

Александр ДОРОШЕНКО

Третье и последнее?

"Гавриил, трубя в свою трубу, возвещает не о нас, а об идущих вместо нас".

Виктор Шкловский. Жили-были

"Час кончины — он приходит тихо-тихо. Не услышишь. И уходит молча счастье, И уходят мыши. Только горе неизменно. Заржавел пасхальный чайник! И задумаются стены. И — Молчанье... О-о-о, время! "Глохо"... "Хорошо"... Оно и так и этак вертит, и если новым срок пришел, то, значит, старым — время смерти... Да, если новым срок пришел, то, значит, старым — фэртиг!..."

Иосиф Уткин. Повесть о рыжем Мотэле

Народ Библии

Самое молодое, с могилами от пятидесятих, но есть захоронения, перенесенные с уничтоженного второго, со старыми памятниками. Например, Иосиф Гербер, с могильной плитой от 1934 года. И могилы раввинов, что справа от входа. Кладбище в кольце заводов, и за его заборами всюду скрежет и шум производства, грязь и копать, и шумная автострада — единственный здесь жизненный шум, никогда не утихающий и слышимый особенно ночью. Как злобное шипение живой жизни в сторону мертвых. Так рычит собака, пробегающая мимо и знающая, что укусить не может, но и сдерживать свои чувства не в силах. Но теперь, когда уже разрослись деревья и зазеленели глухие заросли кустов, на кладбищенских аллеях легла тишина вечности. Многие его постояльцы когда-то работали здесь же, неподалеку, на "Кислородмаше" и "Нептуне"...

Очень чистое, ухоженное, опрятное. Нет гор мусора с пивными бутылками и объедками, нет обрушенных оград. Очень тихое — настоящее еврейское. В Городе всегда знали — евреев хорошо иметь соседями. Здесь — одни евреи!

Оно третье, единственное сохранившееся, два предыдущих сметены с лица земли¹. Два предыдущих — теперь подземные, тайные кладбища. Как у первохристиан, которые тоже, в основном, были евреями. Последнее в Городе, оно лишено оснований роста, — нет больше в городе евреев. А четвертому быть не дано!

Оно сиротское. У кладбища должны быть живые родственники. Приходящие к своим мертвым и готовящиеся в свой час занять здесь места. Приходящие, чтобы посидеть у могил, поговорить — и так мертвые узнают семейные новости, а кладбище постепенно привыкает к будущим постояльцам. Теперь родственники живут в других странах и прилетают редко. Они как бы убежали от смерти или играют с ней в прятки. Сюда за них приходят чужие люди — порученцы, те, кому поручено следить за могилами. Они наняли нянек к своим мертвым. Это эмигрантское кладбище.

Но и убежать — никому еще не вышло, там, где они теперь, в этих правильных и вкусных странах, — там они иммигранты, а иммигранты это заживо похороненные люди, это люди, носящие свое кладбище всегда и всюду с собой! И вот ведь странность, там великолепна медицина и там изумительно чистые продукты, там нет нашей грязи, внутренней и внешней, — там, в этом раю, созданном для них местными аборигенами, — они ведь все равно умирают. Почему?

Эти еврейские кладбища и еврейские дома, и синагоги — стали наглядным доказательством, что когда-то в Городе жили евреи. Жило странное племя, многочисленное, как песок на берегах Отрады и Фонтанов, живое и переливающееся всеми красками жизни, как ртуть, проникающее везде и всюду и входя-

щее во все стороны и элементы живой жизни составной частью, самой красочной и сочной. Они остались незримо — в языке — певучими интонациями, в головах горожан — склонностью к парадоксу, к восприятию жизни в чуть измененном углу зрения или сразу в нескольких углах. И тогда привычное для всех остальных начинало двоиться и троиться, серьезное становилось темой анекдота, а веселое приобретало неповторимость. Оно осталось в глазах горожан смешинкой и прищуром, и посторонний северный житель так и не сможет понять — что такое в этих глазах, на что они смотрят еще, кроме видного ему, и чему они тут радуются, в этой малорадостной жизни.

Мы — оставшиеся — стали наследниками этих евреев, такое никогда и никому не приходит даром. Такое не забывается, даже если ты сам не успел увидеть и прикоснуться. Оно переходит к нам не темой застарелого анекдота, не записью в книжках — но из воздуха, которым мы дышим на улицах этого единственного в истории людей Города, и этот воздух вне закона страны — любой страны, которая стояла здесь раньше и возникнет потом, мы, горожане, — только в известной мере знаем свое происхождение. Записанное в документах, оно убедительно лживо, наше происхождение — тех, кто здесь родился и вырос, тех, кто здесь ходил и бегал, кто целовал здесь девушек, — да просто тех, кто пил свой утренний кофе на углу Преображенской и Малего переулка, — наше происхождение много сложнее, и копаться в нем не следует. Так что, кто мы на самом деле — это знает только наш Великий Город, мы только гадаемся, а остальных не понять.

Как много было в Городе евреев, теперь можно увидеть на этих кладбищенских аллеях. И убедиться, как характерны эти лица на памятных фотографиях, и присмотревшись, понять, что это не кладбищенский род фотографий, что теперь, отставшись во времени, они стали подлинником — это лица со страниц Библии, это Народ со страниц Ветхого Завета, только чуть загризированный в новые одежды, но если не смотреть ниже головы — это библейский народ, и тысячи тысяч лет с ним, с этим неукротимым народом, ничего не смогли поделать. Такими мы были все, когда Господь впервые нас рассмотрел, нас, свое самое странное и непокорное создание, — и рассмотрев, испугался. Он пытался множество раз нас вразумить и изменить — но присмотревшись к этим лицам, и как ты думаешь? — этих людей можно заставить что-нибудь делать, кроме их самоуправления?

На заре времен, живя молодым еще народом, они сказали о себе: мы единственные, призванные и избранные Богом, и нам завещана эта земля — вся целиком. Народом окружения это мало понравилось, но вот миновали тысячелетия, и произошла странная вещь: от них, от великих современников народа евреев, от древних греков и персов, мидян, ливийцев и египтян, хеттов и ассирийцев с вавилонянами, и много позднее возникшего Рима, — ровным счетом ничего не осталось, а Народ жив, и живет сегодня среди молодых народов земли. И все попытки изменить его или погубить, все страшные гонения этих двух тысяч лет ничего с Народом не смогли поделать. Он продолжает жить на земле, поражая и изумляя всех меняющихся современников. И странное пророчество кем-то сказанное о Народу: "Раньше их мы пришли и позже уйдем", — оправдывается вот уже несколько тысяч лет.

Какой Народ — иллюстрацией Библии, ее древних страниц, и если иные молодые народы земли это могут узнать только написанным на древних страницах, нам это дано увидеть воочию — здесь! Присмотрись, вот это лицо неповторимо чертами, и древность его просто в том, что рядом с ним узнаваемо лицо филистимлянина или ассирийца, или хетта — эти лица во времени были рядом, во времени и жизни.

Шестиконечные звезды и чеканный ивритский алфавит. Господь читает эти письмена — что же Ему еще читать? И потом, Он, возможно, иных языков просто не знает, за ненадобностью. Ведь знал же Его Сын только один язык, на котором говорили тогда евреи, — арамейский.

Евреи — кругом одни евреи!

Здесь — это точно — одни евреи, и теперь — уже только здесь!

В именах — путь предков. Можно прочесть, через какие страны шли, — Германию, Австрию, Польшу. Об Испании память затерялась в веках

и исказились — так Борух д'Эспиноса стал Бенедиктом Спинозой. Так мы изменили свои настоящие древние имена и приняли клички...

Наши предки были везде, в любой стране и уголке мира, во всех его городах. Их изгнали отовсюду, но спустя некоторое время они вновь уже были в этих городах — всем, капиталом и культурой. И всегда — самими собой. Любой житель земли, приехав в чужую страну, с удивлением озирается — на иной мир и обычаи. Ему все здесь чужое. Мне любой город, в который я приезжал впервые, — Берлин, Амстердам и Лондон, Рим и Париж — были свои, я знал, что уже был здесь раньше, раньше местных аборигенов, я знал, что мои предки здесь жили, я спрашивал, где тут еврейский старый квартал, и этот квартал всегда находился, в Вене ли, или в Пизе — чуть позади этой наклоненной башни. В Пизе это квартал мертвых, старинное кладбище, и оно много старше этой знаменитой башни. Я не приезжал в эти города — я возвращался!

Мои еврейские предки — из Испании, мои украинские — из-под Чернигова, и где мне лечь — нет такого кладбища, или, наоборот, я могу на любом.

Немецкие еврейские имена, из Ашкеназа, — их большинство — штейны — боймы — маны — баумы — (на заре истории евреи одну букву удвоили, и так Аврам стал Авраамом; в конце времен — потеряли, и Авраам вернулся к первоначалу, став в России Аврамом).

Просто — Шендл Ук.

И польские в основе, они родились от имен местечек — штетлов — и городов: Шкловские, Шаргородские, Винницкие, Шарнопольские, Юзефпольские, Херсонские, Одесские... (А как возникли евреи Женевские, Парижские, Римские и Орлеанские?) Если что-то случится со старой Европой — евреи сохранят ее географию в своих именах!

Жуковские — Бася, Виня и Давью... Эта фамилия есть гордость нашей культуры, от словесности до воздухоплавания.

Профессиональные — Палатник (в далеком Израиле живет мой друг Иосиф Палатник. Как часто прелестными вечерами мы гуляли с ним улицами Города, а идущий и беседующий с нами третьим вечер медленнее и незаметно спускал свои тени и полутона, обволакивая нас и утешая, и скрадывая напряжение чувств, как будто гладил ладонью щеку, или посылал ветерок, освежить нам лицо, или подсказать нужное слово, но так, на ушко, чтобы была незаметной подсказка. Мы шли долго и присаживались по дороге в кафе выпить рюмку вечернего коньячка. Как мне теперь не хватало твоего тихого, насыщенного жизненной теплотой голоса, Иосиф! — и твоих внимательных глаз!), Мучник, Меламуд, Резник, Кантор (кантором был Иоганн Себастьян Бах, и еще есть такой базарный прибор для измерения веса, придуманный одесским евреем по имени Кантор), Бетя Пивовар (так звали подружку молодости моей мамы), Голда Архитектор, Адвокат (нет, это профессия, а имя указано ниже — как реклама на дверях конторы — поступи, зайди, посоветуйся: адвокат Абрам Моисеевич Адвокат; у еврея не могла быть фамилия Прокурор — это была прерогатива местных, а евреи были хорошими адвокатами, так что фамилия Шапиро перешла в фольклор как обозначение адвоката: "пришел ко мне Шапиро, / мой защитничек старик, / сказал — не миновать тебе стрельбы")...

Ну, конечно, им — адвокатами, нам — на нары, каждому свое! Где — мне?

Как много в этих именах от нашей живой жизни — в нашей истории Лжедмитрием Вторым самозванцем, евреем из города Шклова, любовником и мужем Марины, отцом ее ребенка и основателем династии Романовых;⁴ в нашей литературе Виктором Шкловским, так много обещавшим в яркой своей и бурной молодости, и послужившим классическим примером, как не следует жить; в моей счастливой судьбе инженер-полковником Шаргородским, моим московским другом, — как часто мы сживали с ним в арбатских кафе неподалеку от его номерной конторы на Смоленской, как уютно и хорошо нам бывало вместе. Сколько их было, толковых и просто хороших

⁴ Лжедмитрий I сделал Федора Романова митрополитом, а Лжедмитрий II — тушинский вор, сделал его патриархом под именем Филарета, что и предопределило становление всей романовской династии, то есть в исторических корнях эта династия — незаконна! И если подумать, то ведь этого следовало ожидать, что одно время у нас в России был царем еврей, школьный учитель из города Шклова — Лжедмитрий Второй! Помимо всего, это делает царскую власть в России преимуществом царей в Израиле, и никакая королевская власть в Европе этим похвалиться не может! (Прим. автора.)

друзей и подруг с этими местечковыми именами предков, людей европейской лучшей культуры! Как совсем их теперь не стало!

Прямая калька с еврейского — Сын-Меер... (Бар-Кохба — Сын Звезды.)

А как у евреев оказалась фамилия Расколников? Это ведь память русского религиозного раскола, старообрядцев. В России было много евреев-христиан, а были ли старообрядцы из евреев? Но если были, то такими они и остались, евреи очень упрямый народ.

"Твой путь окончен,
Спи бедняга,
Любимый всеми,
Ф. Берлага"

На прилагаемом фото он стоит на берегу Черного моря, это явно наш берег, потому что справа от него, у куста, лежит пустая пластиковая бутылка, а слева — какой-то пакет. И написано на камне — "любимый всеми", а то, что его звали Аркадий Берлага, дела не меняет, он завершил свой путь, и пусть сон его будет спокоен.

Михаил Броун остался в море, на капитанском мостике, в плаще, потому что ветер несет холодные морские брызги, с биноклем в руках. Чтобы получилось такое лицо, как у него, нужны многие годы бесконечных морских пространств, открытые ветра, и морская соль должна хорошоко вьестись в кожу, и тогда глаза и скулы станут точеными от ветра, ноги вращут в палубу и перестанут замечать качку, а моряк будет узнаваем без всяких морских атрибутов — лицом.

"Ой, Хана, вечно ты мне морочишь голову!" — это пожилой еврей с крупным носом-рубильником, лысый и в шортах, с двумя семенящими за ним женщинами раздраженно объясняет одной из них, что думает о ее советах. Он появляется в просвете аллеи внезапно, стремительно делает полукруг, и они за ними тоже описывают полукруг, как в балетной сцене, и все исчезают на боковой тропинке, так же внезапно, как и возникли. И я, уже потеряв их из виду, еще долго слышу: "Хана, иди за мной и лучше помолчи, ради Бога!"

И вдруг понимаю, что за последнее десятилетие я впервые услышал имя "Хана", и теперь не знаю, услышу ли еще в нашем городе это, одно из самых характерных когда-то наших имен. Иду и фиксирую имена, как зарубки в память, как заклинания:

Библейские: Авраам, Исаак, Иаков, Иосиф, Рувим... Эсфирь, Юдифь, Ревека... И возникшие, видимо, на путях рассеяния: Залман, Матей, Зейлик, Вольф, Эмиль, Аврум, Ноях, Герш-Шабша, Фроим, Мордко... Гитля, Рей-Зя, Двойра, Фрима, Эля, Этя, Песа, Шифра, Бруха, Туба, Сура, Инда, Нехамма...

Где это предки Иосифа Халифа подхватили себе такое имя, на каких путях странствий, и как пронесли сквозь века? А Рива Черноморец, как это получилось у нее?

"За что?" — это крик скорби над могилами погибших ("Злой рок тебя постиг на действительной службе в армии..."). Но это в равной степени можно кричать над каждым умершим, даже в своей постели!

Изобразить над погребальной урной не скорбного ангела, а саму покойницу — оригинально!

Как они жили и прожили долгую жизнь с именами: Семен Шут, Моисей Дуб ("рухнул могучий дуб, и осиротевшие ветви..."), Хава Смык, Туба Желтая, Эстер Поединко, Рива Таракан, Иосиф Мертвой⁵ или, к примеру, женщина с фамилией Елена Бать, по поводу чего Михаил Светлов как-то сказал, что это не фамилия, а глагол.

Щетина Борух Шаевич и Голда Шмулевна. Живет человек и, представляясь, называет себя — Щетина. А за плечами у него только что отшумевшие листья дуба в Мамвре и голодные Ангелы — дно Черного моря — буйная грива Самсона среди испуганных филистимлян — Давид с разбойничьей ватагой — стены Вавилона и Александрийский маяк — братья Маккавеи — Бар-Кохба и римляне — Испания с маврами и Маймонидом — Америка с Колумбом — Голландия с Борухом Спинозой — а всякие германия, англия и польши по малости времени — не в счет.

Как, когда и зачем он стал Щетиной?

"Абрам Моисеевич, политрук и партизан" — в этом сочетании вся прожитая нами эпоха: в буденовском шлеме, со шпалами на петлицах, с орденом и медалью, погиб в 1944. И теперь уже навечно он "политрук и партизан" — не диссидент, не эмигрант, он навсегда ос-

⁵ Возникли проблемы с женским родом таких фамилий, например, супружеская пара Петр Мертвой и Раиса Мертвая, потому что на русском иначе не получается, причем, похоже, что слово "мертвой" — старорусское звучание слова "мертвый" (Прим. автора)

¹ Готово, конец (идиш).

² На всех христианских городских кладбищах много еврейских захоронений, есть целые участки. Но на еврейском нет христиан. Так кто же более терпим? (Прим. автора)

³ Оно на самом деле четвертое, или даже пятое наше еврейское кладбище. Первое было на Хаджибее, и его снесли при румынах, второе где-то на Приморском холме, под Бульваром (Прим. автора).

тался так стоять — с планшетом на боку, с револьвером в руке, с криком "Вперед!". Ему — вечный бой, нам — наше мирное-тихое время! (На Втором христианском, у самой стены от Люстдорфской дороги, если от центральных ворот сразу свернуть направо, в таком же буденовском шлеме и шинели с петлицами лежит Ефим Брухис, а между шлемом и воротником — еврейское характерное лицо в близоруких очках.)

У предков на плите писали — раввин: "Азраил, сын Анания, убитый казаками Богдана Хмельницкого... Илия, сын Азраила... Вольф, сын Илии... Иуда, сын Вольфа, раввин краковский и пражский..."; у внуков — профессор... доктор наук... врач...

Зачем евреи все времена во что-то символическое рядятся — остроконечные шляпы Средневековья, нашитые разноцветные лоскутки и звезды, лапсердаки и допотопные шляпы хасидов, очки на носу, накладки на лысину у мужчин и парики у женщин? Бог различает всех, а посторонние народы и сами по себе никогда не забудут еврейский облик.

Но выбрать своим символом Звезду мог только великий народ, и это сказать о других народах, которые эту Звезду стали считать символом унижения? Выбрав для самих себя символами полосы и крестики, и кружочки, как в ранней еще детской игре в "крестики-нолики". Интересно и то, что наш национальный трезубец есть просто обрезанный в третью часть еврейский семисвечник — присмотришь и задумаешься, как опасны происки сионизма, — ну за что не возьмись... И выходит, что украинец это дважды обрезанный еврей!

Вот Семен Гуральник изборожен замечательно — на охоте, с ружьем в руках, в шляпе с загнутыми краями, с сигаретой во рту, с перстнем (видимо, в высоких охотничьих сапогах, но это не показано) — сидит в кустах и ждет добычу, и смотрит на тебя с могильной плиты, искося, и так хитры его глаза — видно, что бабник был Семен и красивую прожил жизнь. И какая-то птичка отметила мраморную плиту — и подолом, нечего было стрелять невинных птичек!

На двух тяжелых мраморных плитах записана, видимо, хорошо известная городская история:

И. М. Иглицкий
скончался 22го декабря 1910 г.
от огнестрельной раны
полученной в аудитории университета
8го декабря того же года
Ты видишь, Господи, обиду мою.
Господи, будь нашим судьей
Плач Иеремии. 3.58-59

М. М. Иглицкий
окончил жизнь на могиле сына
1го февраля 1912 г.
Мимопроходящие
Взгляните и узрите,
Есть-ли страданіе, подобное моему
Плач Иеремии. 1.12

Эти плиты перенесены со Второго кладбища, отец умер там, на могиле сына. Со времени Иеремии Господь утратил счет нашим обидам!

Звали человека Михаил Ильич, но настоящее имя его было Самуил Хаим-Эль, и это указано на могильном камне, а в скобках — известное всем при жизни. Он прожил долгую жизнь, как в маскараде, таясь в полумаске, как инкогнито, но в смерть его положили честно!

Самуил Хаим-Эль — какая древность в этом имени! — тысячелетия прошумели над землей, сначала до, и потом после новой эры, великие народы земли прожили долгую жизнь и растворились в ней без остатка, но это имя сопутствовало им в жизни и их пережито, и затем оно звучало на улицах бесчисленных городов земли, никогда не меняясь, — Александрия, Эфес, Кордова, Мюнстер, Амстердам, Лодзь, Умань, Одесса — менялись страны и языки, обычаи и нравы, но оно сохранялось вечным, завещанным нам от Бога. Занесенное к этим северным берегам, звучащее здесь, на наших улицах и в наших домах — и переставшее уже навсегда здесь звучать, только ветер степей еще помнит и повторяет на ходу, всегда торопясь проскочить наши улицы, где ему тесно, это однажды им услышанное имя...

(Может быть, это мой был теперешний дом, и Самуил Хаим-Эль в нем жил когда-то, еще до войны, и так звала его жена к обеденному столу на теперешнюю мою кухню? Вот чудно бы было нам, теперешним ровесникам, встретиться на этой кухне — там в холодильнике у меня бутылка отличной водки и нежинские огурчики в банке, и кошерное сало на черном хлебушке с горчицей. Сели бы мы с Самуилом и выпили по первой — это без слов, — но уже на третьей мы бы разговорились, мы нашли бы слова и темы!

— Сало бывает кошерным только для нас, одесситов, — так распорядился Господь на страницах Библии, зная, как несладко придется евреям в этих временах, он посчитал,

что лишать их такой радости не следует. Но еврей, покинувший Город, должен забыть о кошерном сале!

Он бы — мне, — как в его времена страшно было ошибиться в сказанном слове, как шепотом говорили на кухне и даже в постели муж и жена, я бы — ему, — как наплевать теперь на любые слова, и что ни скажи — скажешь понапрасну, он бы мне, — как за эти слова брали, я бы ему, — как и вообще отобрала сразу и все, безо всяких слов! И мы бы сверили карты, и выпили, и сверили вновь, и еще выпили, но в самом конце — мы бы выпили за детей, чтобы все плохое кончилось на нас, чтобы наши дети были счастливы непременно!

Я стою у могильной плиты и говорю шепотом, на пустынной этой аллее, чтобы никого не потревожить, — Самуил Хаим-Эль — и тихие эти слова рождают волну света, она раздвигает пространство и движется во все обозримые и невидимые мне стороны прошедшей и будущей жизни — как пароль, как напоминание, как окрик к далекому потерявшемуся брату. Чтобы остановиться, услышав меня, чтобы подождать на дороге — и мы пойдем вместе, наш путь только начат, нам идти и идти!

Врач Леернер Роня Вольфовна, в миру Алла Владимировна, и это указано в скобках.

Умное интеллигентное лицо — Марьям Срулевна Сральс — как непросто выжить в России с таким именем!

"Что в имени тебе моем?" — Все!

Наум Цирульник;

Семен Адольфович Швядкий, полковник;

Марьям Федальевна, Рива Хаимовна, Малка

Мееровна, Цицелия Шайн — этот забытый

язык требует перевода и еще никем не дешифрован... Татары и немцы, чухонцы и французы, все угрофины (меря, весь, муромы, эрзя...)

и шведы, осев в России, изменялись и принимали русские имена и даже православие, но на самом деле это не подлежит переводу — имена и традиции предков — и это наказуемо! Это как самое основное в нас, как поэзия — непереводимо, и оно исчезает при переводе, сменяясь мерзостью обезличивания.

Калика Фрида — это от древнерусского "калика пережоячая".

Нахман Срулевич Герман — это ведь пушкинский Германн имел такую фамилию, только с удвоенным "н"! Может быть, Пушкин намеренно не указал его имя?

"Старый пролетарий, член В.К.П.(б) Давид Баршак". Старый пролетарий, это, конечно, совершенно иначе звучит, чем старый часовщик или старый сапожник, или попросту старый хрен!

Профессии и должности, звания и ученые степени, и даже имена — что говорят они о лежащем здесь? Значимы только даты прихода и ухода, притом, как и в командировочных бумагах, день прихода — день ухода — один день! Остальное не оплачивается!

На камне могильном должно быть указано самое главное — даты, и еще можно бы, на каком пляже купался, на Отраде или на Фонтанах, и где, на каком углу или перекрестке, но вперые обнял и поцеловал девушку... И еще — имена оставшихся детей. Остальное — лишнее. Ну что вам или ему, что он был доцентом? Превратились в недвижность евреи Города — в могилы, дома, синагоги...

На дальнем краю кладбища, в самый конец по центральной аллее и влево, выделили место и перенесли сюда памятник жертвам погрома 1905 года. Сложили плиты, как инвентарь (отделались от всякого зарубежья, чтобы не приставали), а всю площадку забетонировали (видимо, чтобы никто ее не занимал, но, может быть, и тела перенесли, а сверху забетонировали для надежности?). Великолепную кованую решетку, когда-то связывавшую гранитные блоки памятника в единый ансамбль, вырвали с мясом и куда-то славили... Стоит великолепный монумент у кладбищенской стены², над пустыней землей, отделенный от смысла, уставленный, как в антикварной лавке на продажу, — может быть, есть смысл купить — вдруг пригодится?!

Свои среди своих

"Евреи хлеба не сеют.
Евреи в лавках торгуют.
Евреи раньше лысеют.
Евреи больше воруют".

Эти, видимо иные, — на могильных плитах написаны их профессии и всякие ученые имена — доценты, профессора, кандидаты всех степеней и лауреаты всех мыслимых премий, инженеры и архитекторы, строители и множество врачей. Заслуженный деятель науки профессор Ефим Дубовый и доцент Дора Гинзбург-Дубовая; рентгенолог Иосиф Балабан; доктор Исидор Романович Пастернак и доктор Эмилия Исидоровна Пастернак; врач-хирург Семен Гаврилович Гурфинкель;

² Кладбищенская стена на этом участке обнесена поверху родной колючей проволокой, потому что с той стороны расположены всякие заводы, так что этот монумент выглядит, как концлагерь, пустующий до новых времен (Прим. автора).

"ученый психиатр" Розенблюм... Бог с ним, со званиями, эти лица удивительны мыслью и знанием, умом и достоинством.

Просто "учитель математики", Семен Ицкович Мейдман. Он был хороший учитель и отдал детям все, что имел, — знания и любовь. У меня учителем математики был Владимир Юрьевич Воскобойников, он тоже не имел ученых степеней и званий и работал в обычной школе на Прохоровской, в самом центре Молдаванки. Он был такой учитель, без которых не вырастают люди и без которых земля остается пустой! Без которых из нее вырастают цветы зла! Сами по себе.

Это наш Город, лучшая его часть. На каждом камне слова: "единственный, добрый, неповторимый, лучший...". Выходит, что лучшие остались здесь, в чем легко убедиться, выйдя за ворота... Но город — это люди, и когда они уходят — рушатся камни. Потому что люди — это душа Города, краеугольный камень, на котором стоят эти стены!

Верно только насчет облысения: раньше лысеют евреи, судя по этим снимкам.

Эти послевоенные десятилетия, пережив Катастрофу, вернувшись с войны и эвакуации, пережив новую опасность уничтожения и борьбу с безродным космополитизмом, евреи Города построили новую жизнь.

Оглядываться назад было страшно. Говорить об уничтожении европейского еврейства, о поголовном уничтожении оставшихся в Городе евреев было опасно. Они не оборачивались назад, но стали жить надеждой на завтрашний день. Какой отважный и сильный народ эти евреи!

Они дружно пошли учиться. Генетическая тяга к Слову, двухтысячелетний опыт предков в изучении Торы теперь послужил основой массового светского образования. Эти евреи о Боге забыли и жили жизнью общества, которое им было родиной. Они были атеистами, в той мере, когда вера предков бывает на время вытеснена новой жизнью. Но многие сохранили связь с Богом, преподавая атеизм и марксизм-ленинизм.

Они стали основной частью городской интеллигенции. Мне иногда кажется, что само слово интеллигенция у нас было синонимом еврея. Евреи стали врачами, преподавателями в средней и высшей школе, учеными и переводчиками, профессорами и доцентами. Инженерный корпус Города состоял, в основном, из евреев. В конструкторских бюро, научно-исследовательских институтах, больницах и поликлиниках большинством лучших специалистов были евреи. В консерватории, в школе Столярского и всех музыкальных школах, в городских театрах, в журналистике, это были наши лучшие силы.

Евреи имели домашние библиотеки. В каждом еврейском доме была такая библиотека, потому что это было престижно и то, как они верно говорили, — для детей. Детям это пригодилось. За книгами тогда гонялись, чтобы достать. Подписывались на новые многотомные издания русской и зарубежной классики. Телевизор делал первые шаги, и времени для чтения было вдоволь.

Это было уже поколением интеллигентов — они были дети интеллигентов. А дети местечковых евреев, забытых ужасами прошедшей войны, малообразованных, говорящих между собою на идиш, и по этой причине на русском говорящих с акцентом, эти дети легко освоили русский язык и тоже пошли учиться. Идиш, когда-то звучавший на улицах Города, до войны и после нее, евреи забыли навсегда, как и саму память о местечковых евреях.

Так что, лучший русский язык в Городе был у евреев. Эти евреи были русской интеллигенцией, и русская культура полностью определяла их жизнь. Они забыли о еврейских праздниках и праздновали теперь Новый год, 8 Марта, 1 Мая и Великий Октябрь. Они никогда не бывали в синагоге, и только старые евреи, их отцы и деды, еще ездили за мацой на Пересыпь.

Но так уже было в Германии, в Италии, во Франции... Там евреи тоже были немцами, французами, итальянцами. Они были лучшими представителями этих культур. Христианами всех мыслимых конфессий. И патриотами, что доказали на фронтах первой мировой войны.³ Они были полезными членами общества в этих странах, но во второй мировой этих евреев сожгли.

Так продолжилось три десятилетия советской незабвенной эпохи. Той самой, когда мы были действительно самой читающей страной в мире, мы это смогли уяснить, только попав в этот мир и удивившись примитивности его духовной жизни. В Европе, в Америке, в Израиле. Выяснилось, что мы знали не только русскую классику, мы мировую классику

³ На всех фронтах, по обе стороны фронта. Немские евреи получили за эту войну десятки тысяч Железных крестов первой степени, наши — чуть меньше наград, потому что нашим евреям было труднее получить заслуженную на войне награду — таким было русское государство. Немские и австрийские евреи шли в атаку на русских евреев — во имя Родины! Которой, как это выяснилось практически сразу, у них ни там, ни здесь не было никогда! (Прим. автора)

сику знали лучше туземцев и мы ее по-настоящему любили. Наши переводчики, в основном, евреи, лучшие переводчики в мире, сделали западную литературу русской классикой. И выяснилось, что образование в нашей стране было лучшим в мире. По своему базовому уровню, подкрепленное широкими культурными горизонтами. Оно пригодились эмигрантам, и так наши знания ушли в мир.

Потом началось разрушение. Разрушение страны, под которую подкапывался Запад и местные диссиденты. И местные безродные шакалы, предвкусившие запах добычи. Самым болезненным и оскорбительным со времен войны для евреев Города стало разрушение Второго еврейского кладбища. За него боролся весь город. Евреи на каждом памятнике этого кладбища не уставали вновь и вновь писать слова-заклинания: "Посетили". И ставили свежие даты. Писали во все мыслимые инстанции, составляли петиции, заклинали Запад вмешаться.

А потом евреи стали уезжать, и уехали все. Или практически все.

Наша городская интеллигенция, в основном, лежит здесь, на Третьем еврейском, на Втором христианском, на Таировском. Лечат наши отцы. Лучшее время их жизни, давнее нам наше счастливое детство и юность. А дети ушли в окружающий мир и стали его частью. Они стали американцами, израильянами, европейцами. Они еще помнят русский язык. Их дети, внуки одесской интеллигенции, русский уже не знают. Смутно помнят, что был такой город Одесса, родина предков, в холодной и бесприютной России.

В самом центре Молдаванки на Степовой улице жила еврейская семья по фамилии Юданины. Обычная многодетная и бедная, как все еврейские семьи Молдаванки. Было десять детей, половина мальчиков, половина девочек. Адрес этого дома я не знаю, но там все дворы похожи, за двух-трехэтажным домом есть большой двор, огороженный торцами соседних дворов и сараями, с улицы в него ведет высокий проезд. Входы в квартиры — со двора. Ребята, о которых идет речь, родились от 1903 по 1916 год и были ровесниками моих родителей. Я пришел спустя тридцать лет на эти улицы, но там ничего не изменилось, разве что при мне перестроили кинотеатр "Серп и молот" — наш культурный центр. А Степловая, Дальницкая и Госпитальная, как и моя Михайловская, остались точно такими же.

Наверное, они ходили в хедер, а младшие и в мою школу, за углом, на Прохоровской, потому что из этих дворов по Степовой у меня было много одноклассников. Бежали на Алексеевский рынок.

Старший сын Моисей воевал еще на гражданской и в 30-х годах умер от туберкулеза. А четыре брата дружно ушли в 1941 году на фронт и сражались за Родину. Старший брат, Борис Юданин, рядовой, стрелок, погиб первым, 14 сентября 1941 в боях под Одессой, ему было 38 лет. Второй брат, Семен Юданин, лейтенант, погиб 20 июля 1943 года в Курской области, ему было 34 года. Третий брат, Лейб Юданин, рядовой, стрелок, пропал без вести в августе 1944 года, ему был 31 год. Четвертый брат, Калман Юданин, рядовой, радист, погиб 5 мая 1942 года в Новгородской области, ему было 26 лет. Каждый год войны семья отдавала по одному сыну, но война затянулась, и не осталось никого из братьев, чтобы вернуться с войны победителем. Им не к кому было бы возвращаться, отец и мать остались в Городе и погибли. С войны вернулся единственный мужчина, муж одной из сестер, старший лейтенант. На войне он потерял ногу, но в Одессу вернулся.

Легит прямоугольная плита, с трудом вмещающаяся в узкую ограду, и на ней фотографии отца Ихеля (Ефима), матери Марьям и четырех братьев, Бориса, Семена, Лейба и Калмана Юданиных. Их здесь нет, они легли в разных местах родной и такой обширной земли. По-русски Юданины, вероятнее всего, будут Евреиновы. Есть такая русская аристократическая фамилия. Мы помним имена пяти братьев Тучковых, сражавшихся за Родину на Бородино, имена братьев Раевских, которых отец, взяв за руки, повел впереди наступающего русского полка. Помним и чтим. Надо добавить к этой памяти имена братьев Юданиных, павших за Родину и жизнью своей оплативших на нее право!

Борис Адольфович Минкус и Раиса Эммануиловна Нудельман. Это мой профессор по холодильному институту и его жена, художница. Прожили они долгую-долгую жизнь, не знаю, счастливую ли, но спокойную. Так я всегда думал, но вот вспомнил — ведь были две мировые и одна гражданская войны, и всякое-разное было в их жизни, параллельно нашей непростой стране. Без нескольких месяцев он прожил столетие. Был он для меня образцом интеллигента и ученого и напоминанием времена Чехова — речью, манерами, взглядом. Как это в нем сохранилось — мяг-

Александр ДОРОШЕНКО

Третье и последнее?

(Окончание. Начало на 10-11 стр.)

кость речи, доверчивость и доброта, внимание к любому встреченному человеку? И как он это умел объяснить, извиняясь за навязчивость, за вмешательство в твою жизнь? Со мной он говорил всегда одинаково уважительно — со студентом, с аспирантом, с профессором. И всегда добавлял: "Саша, Вы не обижаетесь, что я так к Вам обращаюсь, я ведь знал Вашу маму, — и неизменно добавлял: — Какая красавица была Ваша мама! Я знал ее тогда, когда Вас еще не было".

Я понял еще мальчишкой: он одинаково внимателен был ко всем — мальчик был перед ним или ректор, известный или безвестный человек, он что-то такое выделял в человеке, что оказывалось более значимым наших обычных оценок. И когда я говорил с ним, что-то во мне изменялось, я стоял перед ним иначе, я говорил и смотрел иначе — и это, измененное им, живет во мне и сегодня.

Никогда я не говорю своим студентам "ты" и всегда предлагаю присесть, даже если нужно сказать всего несколько слов. А студентам всегда улыбаюсь и говорю что-нибудь приятное, когда они входят в мой кабинет, — это голос Бориса Адольфовича. Я, правда, не встаю, когда они входят в кабинет, — Борис Адольфович вставал всегда, если входила женщина, и неважно какая, преподаватель или уборщица, — он был одинаков со всеми. Я помню, праздновали его юбилей, 95-летие. Ему уже трудно было стоять, но когда говорили женщины, он вставал и слушал до конца — стоя!

Я помню, однажды, разговаривая с ним в коридоре институтском, я отослал подошедшую студентку ждать меня у моего кабинета, когда вернусь. И она, конечно, безропотно ушла. Борис Адольфович взволновался, взял меня за руку и сказал: "Саша, Вы понимаете, это нехорошо, как Вы ее отослали, ведь она взрослая красивая девушка, она завтра будет мать ребенка, и для этого ребенка она станет всем, самым важным и единственным в этом мире, а Вы с ней так поступили. Вы идите к ней и сейчас с ней поговорите, что ей там нужно, а я подожду Вас здесь, Вы не волнуйтесь, я подожду, сколько потребуется". И это правда — он заставил меня пойти, а сам ждал меня, и когда я пришел, он извинился, что доставил мне неприятность своими словами.

Часто я в раздражении понимаю, что с этими моими современниками говорить можно только понятным им языком — матом, но тогда я вспоминаю Вас, Борис Адольфович, — и говорю с ними вежливо. Иногда это срывается!

Невинно убиенным

В основании каждого могильного камня есть приписка о родственниках, погибших в Отечественной войне, а под 1941-1942 годами имена погибших в Городе при румынах. Этих, чьи кости свалены в ямы Доманевки и Богдановки, больше, чем лежащих под собственными камнями. На каждого похороненного здесь приходится в среднем три-четыре имени погибших без вести. Такие памятные надписи есть на всех кладбищах города, на Втором христианском, где много еврейских могил, на Таирском, но здесь их особенно много.

"Герш, Заки, Миттель, Хайка и Людочка Уляницкие";

"отец Шулим, мать Этя, братья Мойша и Леви, сестра Рива с сыном Семей";

"Погибшим Копилевичам: Роза Израилевна, Мария Марковна, Евгения Марковна, Александр Маркович";

"Ихель и Марьям Юданины, родители четырех братьев, Бориса, Семена, Лейба и Калмана, отдавших жизнь за Родину";

Поджарский М.М. — "в память погибших от рук фашистов сестры Поли, шурина Исаака и детей в 1942 году";

Фроим Маркович Рабинович, — "в память погибшего дорогого сына от рук фашистов в годы Отечественной войны Арона";

Янкель Гершкович Лапидус — "в память погибших от гитлеровских рук братьев, сестер, племянниц и племянников";

"В память погибших семей М. Урмана и Л. Пильшакова";

"Жертвам фашизма Пини Самойловича и Лизы Мееровны Штейнберг";

"В память дяде Лёве, погибшему на войне";

"В память трагически погибшим в 1941 году бабушке Кларе...";

"В память погибших от фашистских извергов братьев Рабинович Боруха, Бенциона, Сины Корж, Бузи, Люси.

Посмертно реабилитированных брата Миши Раич, Розы Вольман";

"Пропавший без вести в 1942 году Борис Михайлович Кимельфельд";

"В память погибших мужа Якова Михайловича, сына Роберта Яковлевича";

"В память погибших в дни войны сестры Доры и шурина...";

"В память погибшим в 1941 дяди Хавуль Дуди, сестры Гольденберг Рахиль";

"Памяти погибшего сына в 1941 г. Изы Наумович Шер" (снимок кануна войны, молодой парень в форме со шпалами в петлицах, в пилотке с красной звездочкой);

"В память погибших в дни Отечественной войны сына Иосифа Зельмановича и внуков Пуся и Фуля Штейнгольц";

"В память погибших от рук фашистов Шойхет Борух, Сурра, Манички в 1941 г.";

"Памяти семьи Меламед погибшим в годы Отеч. войны отца Исаака Израйлевича, сестрички Сарры Исааковны";

"В память о погибшем сыне, брате в период Отечественной войны Бориса Мойсевича Фарбер";

"Памяти погибшего в годы Отеч. войны мужа и отца Шухман Исаак Мейлахевич";

"Белявский Владимир Срулевич, погиб в Отеч. войне в Одессе в 1941 году" (какое сочетание русского, еще языческого, имени и такого характерного отчества!);

"Светлой памяти погибшего в 1942 г. на фронте отца и деда Лернера Льва Владимировича";

"В память погибших в 1941 г. Мехл, Мендл, Цаля...";

"В память погибших в Отечественную войну муж, Исаак, отец, Исаак, мать, Бруха, брат, Володя...";

"В память погибшим от фашистов Хаим, Рейзеле, Люба и Фирочка...";

"В память погибшему мужу и отцу погибшего во время войны Фавелюки Беньямин Давидович";

"В память погибшим семье Малеваным брату Рыкову с семьей". "В память погибшим родителям, братьям и сестре Малиованым" (так в двух табличках на одном памятнике);

"Память дорогому незабвенному сыну Мишеньке Шлемкис погибший 1941 г." (ясное улыбающееся лицо все светится молодостью...);

"В память погибшему в Отечественной войне Яши Шустер...";

"В память погибшего в дни Отечественной войны Муни Зейликовича Альпер";

"Памяти дорогих детей Абрашеники и Мишеньки, погибших в Великой Отечественной войне" (Гринштейны, молодые ребята в офицерской форме, один еще со шпалами, второй уже в погонах);

"В память погибшему на войне Гросман А.В. 1922-1942";

"Светлой памяти Ангерта Абрама Самойловича, погибшего в годы войны";

"В память погибших братьев и племянника в Великой Отечественной войне Мони, Наума, Бориса, Яши Тартаковских";

"В память погибших в Великой Отечественной войне Семы, Яши, Абраши, Миши, Ривичка и Любы" (Мовшович);

"В память погибшего на фронте незабвенного Яни Купермана...";

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

"-----"

но здесь их особенно много. Надо бы собрать все эти имена и установить камень со словами памяти и сострадания. На Втором христианском, если идти от центрального входа вправо, у самой стены, есть памятная колонна, высокая, стройная, с траурной вазой в наверху и надписью "В память погибших...". Ее поставили как семейную, но она осталась единственной — в память всех невинно убиенных.

Выхожу за ворота. Кладбище обнесено глухой стеной и отгорожено от окружающих просторств. Так выглядели гетто средневековой Европы. В России это называли чертой оседлости, выйти за которую еврей не мог. Кладбище нужно живущим как связь времен, как символ преемственности. Лишенное близких, оно умирает. Это город мертвых.

Это род музея. Был в Городе народ евреев, жил два столетия и этот город строил. Эти памятники род музейных витрин — как выглядели евреи, как одевались, во что рядились. Как участвовали в этой жизни, кем работали, каких добивались наград и свершений. В этих лицах на могильных портретах, умных и не очень, радостных и печальных, открытых и настороженно на тебя, идущего мимо, смотрящих, — эпоха. Вглядись внимательно — в этих живых глазах мысль, радость и боль... Что читали, какие смотрели фильмы, каких любили актеров, выйдя на Пушкинскую, шли и обсуждали увиденное и услышанное, а рядом с ними шли мы, тогда одесские мальчишки и девчонки, которым они пророчили счастье жить в этом нашем сегодняшнем дне! Прислушайся — о чем они говорят. Походи, послушай, и вспомни!

Это — Третье еврейское кладбище, а Четвертому уже не бывать!

Бароны

Справа от центрального входа и по всему периметру кладбища лежат цыганские бароны. Вернее, стоят. На высоких бетонных постаментах (пять на пять метров и высотой в метр), изящные скульптурно в рост, или так изображенные на полированной поверхности вертикальных плит, сидящие за праздничным столом (красиво накрыт стол — бутылка "Смирновской", а за ней виднеется бутылочка минералки и кока-колы, блюдо стоит с виноградом, разложена и закусочка...), в золотых перстнях и часах (золотом выделено, чтобы было без ошибки). Стоит на мраморной поверхности, нарядный такой, в хорошем костюме, и на заднем плане — собственная "Волга". Куда это он собрался? Эпитафии трагательны и поэтичны: "В такой тяжелый скорб-

¹ Это семейный памятник Булжкович, но такой отдельный памятник погибшим в Холокосте, — он теперь память всем, кто тогда погиб. (Прим. автора)

ный час / Зачем так рано, Мося, милый, / Покинул ты навеки нас?" — или наполнены гордостью: "Царем ты был — царем остался!". И для наглядности врезана в камень корона.

Где и как хоронят цыганок? — или они бессмертны?

Имена интересные — наши уменьшительные имена, ласковые, домашние, стали у них основными — Шура, Юрик...

Едет в маршрутке пожилая цыганская пара. Полные, как многие пожилые цыгане, держатся с достоинством, проявляющимся не в одежде, не внешне, но это врожденное внутреннее чувство особенности и уверенности. Вежливые к пассажирам. Говорят на цыганском с редкими вкраплениями русских слов: "натурально", "правильно" и названиями наших городов от Рязани до Хабаровска. В этой связи часто повторяют — "таможня" и "пересадка". Географию упоминают всего СССР, может быть, они не заметили развала страны?

Ходят цыгане по земному шару, нас, абorigineнов, всерьез нисколько не принимая, твердо веря в природную нашу глуповатость и никогда в этом не ошибаясь, перенимая наши языки, потому что нет иной возможности нас дурачить, но свято храня свой, никогда неходясь в эмиграции, потому что всюду они у себя дома (так зайчик, перебежав из Украины в Польшу, остается пушистый зайчик, и ему все едино, что мы его по-разному называем), не меняя вида одежды и походки (я в Париже видел — шла цыганка Елисейскими Полями, и три цыганенка цеплялись за ее многочисленные юбки, шла точно такая же, как ходят по Бердичеву и Точковку (они по Бирзуле ходят на самом деле), и говорила с проходящими на французском, а детей своих ругала по-цыгански). Мало им нас — они и к Богу относятся походя — перенимая местные религии и меняя их, перейдя границу. Кого же они принимают всерьез? Откуда они это взяли — шестиконечную (иногда восьмиконечную) звезду и полумесяц — наверное, насмотрелись на символику у евреев, или просто так показалось красивым?!

Легко понимая и принимая все. И если высадились у нас инопланетяне, пока мы думать над ними будем и понять их будем пытаться, цыгане начнут им гадать и будут лопотать на ихнем языке, и облопощат, как ягнят, вне зависимости от их цвета, роста и нелепости для нас интеллекта. И вовсе не удивятся цыгане их странному виду — живое и есть живое, главное — чем тут можно поживиться? Но стоит задуматься, почему, торгуя наркотой, они сами хранят себя и не уничтожаются в ней, как мы, достигшие высот знания и прогресса?!

Своеобразный и яркий народ, но кто подсказал им такие памятники и слова?

Интересно и то, что единственный дворянский титул, доставшийся евреям и цыганам, — баронский! Но следует всерьез помнить: предки евреев — народ царей! Бароны для евреев как титул — мелковато и местечково...